

ВЗЫСКУЮЩИЕ ГРАДА

ХРОНИКА ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ РУССКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ФИЛОСОФОВ В ПИСЬМАХ И ДНЕВНИКАХ

*К. М. Аггеева, С. А. Аскольдова, Л. Ю. Бердяевой,
Н. А. Бердяева, И. П. Брихничева, С. Н. Булгакова,
А. Г. Габричевского, А. К. Герцык, Е. К. Герцык,
С. И. Гессена, А. В. Ельчанинова, А. В. Карташева,
Л. М. Лопатина, Э. К. Метнера, П. Н. Милюкова,
А. Р. Минцловой, М. К. Морозовой, М. М. Морозова,
М. А. Новоселова, Е. Ю. Рапп, Г. А. Рачинского,
В. В. Розанова, С. М. Соловьева, Е. Н. Трубецкого,
П. А. Флоренского, В. Ф. Эрн, Б. В. Яковенко и др.*

СОСТАВЛЕНИЕ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА,
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ
В. И. КЕЙДАНА

Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1997

ББК 87.3(2)6

В 11

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 96-03-16135

В 11

Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках *С. А. Аскольдова, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Е. Н. Трубецкого, В. Ф. Эрна и др.* — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 752 с., 21 илл. (вклейки в конце книги и после страницы 160).

ISBN 5-7859-0046-7

«Душа интеллигенции — ключ к грядущим судьбам русской государственности и общественности» — это высказывание С. Н. Булгакова заставляет пристальнее взглянуть в религиозно-философские и политические течения, возникшие в начале XX века в попытке осуществить мечту Вл. Соловьева о наступлении в России эпохи «христианской политики». Во вступительной статье и публикуемых текстах прослеживаются идейные и личные отношения идеологов «христианской общественности» и «нового религиозного сознания», стремившихся мирным путем обновить общественный строй России на основе реформированного православия, софиологии или внецерковного христианства; мы видим личностную подоплеку конфликта «путейцев» и «мусажетовцев», двух перспективных религиозно-философских течений, которым так и не суждено было осуществить синтез «неославянофильства» и «западничества» из-за постигшей страну социальной катастрофы. Авторы публикуемых в книге частных писем и фрагментов дневников — звезды первой величины русского религиозного возрождения и христианского либерализма. Их духовные поиски, откровения, пророчества и утопии, преломляясь в любовных драмах и семейных коллизиях, создают полифоническую хронику роковых событий русской истории первой четверти XX века.

Из 650 документов, охватывающих период с 1900 по 1923 г., более 500 вводится в научный оборот и комментируется впервые. В Приложении публикуются политические программы и воззвания христианских социалистов, хроника заседаний и состав участников религиозно-философских обществ, малоизвестные фотографии из семейных архивов.

Книга предназначена для всех, кто интересуется культурой Серебряного века и судьбами его героев.

ББК 87.3(2)6

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства Школа «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

- © В. И. Кейдан. Вступительная статья, публикация документов и комментарии, 1997
- © А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика. Культура», 1995
- © В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

...не имеем здесь постоянного града,
но ищем будущего.
(Евр. 13, 14)

НА ПУТЯХ К ГРАДУ ЗЕМНОМУ

Ах, если бы им мог попасться
Путь, что на карты не попал.
Но быстро таяли запасы
Отмеченных на карте шпал.

Борис Пастернак

У истоков христианской политики

Владимир Сергеевич Соловьев, закончивший свой жизненный путь в последний год XIX столетия, оставил в наследие веку грядущему ряд идей, среди которых наиболее привлекательным для части русской интеллигенции оказался призыв к созданию религиозно-политического движения, имеющего целью обновление духовной, культурной и общественной жизни России на принципах *христианской политики*¹. Его младшие современники и последователи сформулировали стоящие перед ними задачи в следующей программе:

христианизировать и воцерковить этический идеализм русской интеллигенции, чтобы затем ее усилиями духовно преобразовать все общество;

гарантируя свободу совести, радикально реформировать внутреннюю жизнь Русской Православной Церкви, отделив ее от государства;

посредством экономических и политических реформ социализировать промышленные предприятия;

безвозмездно передать землю крестьянам на основе семейного и артельного землевладения;

вести активную просветительскую деятельность в крестьянской и рабочей среде.

Реализовав эти предварительные этапы, они надеялись осуществить идеал «полной правды в жизни верующих и тем самым при содействии Духа Святого положить начало концу господства зла и смерти»².

Как отмечал Г. Федотов, движение русского религиозного возрождения зародилось и протекало в противостоянии церковно-государственному консерватизму и традициям «интеллигентского староверия»³, которое в тот период проявлялось в повальной завороченности марксизмом.

Американский историк Дж. Патнэм выделяет в русском религиозном возрождении три формы оппозиции марксизму:

поиски нового религиозного сознания в кружке Д. Мережковского и З. Гиппиус;

христианский социализм С. Булгакова, укорененный как в русском религиозном опыте, так и в современной ему политической философии и социологии;

этический либерализм правоведа П. Новгородцева, чья личная религиозная установка оказывала косвенное влияние на политическую философию, формулируемую им в секулярных понятиях⁴.

Через год после кончины В. Соловьева в 1901 г. в Петербурге организуются «Религиозно-философские собрания» по инициативе Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, В. В. Розанова, А. В. Карташева, В. А. Тернавцева и других сотрудников редакции журнала «Новый путь». На этих собраниях впервые произошла встреча представителей православного духовенства и интеллигенции, пытавшейся в своих духовно-общественных поисках обрести опору в Православной Церкви. Собрания проходили под председательством ректора Санкт-Петербургской Духовной Академии епископа Ямбургского Сергия (Страгородского), при участии профессоров богословия и приходских священников. Здесь впервые были поставлены и обсуждены проблемы, ставшие основными для русской религиозной философии:

свобода и необходимость; авторитаризм — индивидуализм — соборность; религиозное осмысление и оправдание культуры; социальная правда и социальный вопрос; революция как религиозная проблема; проблема христианского государства; православие и жизнь.

Здесь же впервые было открыто констатировано то, что впоследствии станет общим местом в суждениях русского интеллигента о православии:

— полное поглощение Церкви государством, превратившим ее в один из бюрократических институтов самодержавной власти;

— крайняя регламентация прав духовенства и его сословная замкнутость и приниженность;

— отсутствие самостоятельной церковной социальной концепции.

Хотя через год по распоряжению обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева «Религиозно-философские собрания» были прекращены, их деятельность нашла отклик в Церкви, обществе и государственных структурах, положив основание интенсивному церковно-общественному движению, завершившемуся в 1917 г. Всероссийским поместным собором. Протоколы собраний и стенограммы выступлений были опубликованы на страницах «Нового пути». Таким образом, творческая инициатива принадлежала религиозной интеллигенции как частице церковного народа, стремившейся восполнить отсутствие «пророческого» служения церковной иерархии⁵.

У истоков этого движения стояли представители нового поколения общественных деятелей, в числе которых был С. Н. Булгаков, уже обозначивший свой прорыв к новому мировоззрению изданием сборника своих статей «От марксизма к идеализму»⁶. По тому же пути шли Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, П. Б. Струве, также отошедшие к тому времени от марксистских теорий, и их более молодые современники: В. П. Свенцицкий, В. Ф. Эрн, А. В. Ельчанинов, А. С. Глинка (Волжский), С. А. Алексеев (Аскольдов), А. В. Карташев, В. А. Тернавцев, священники Григорий Петров, Константин Аггеев, Иона Брихничев, Михаил Семенов.

Первым совместным выступлением «идеалистов-общественников» был сборник статей «Проблемы идеализма» (1902), вышедший под редакцией П. И. Новгородцева, с кратким предисловием Л. М. Лопатина, написанным от имени Московского психологического общества, издавшего сборник. В сборнике выступили двенадцать авторов: С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Д. Е. Жуковский, Б. А. Кистяковский, А. С. Лаппо-Данилевский, П. И. Новгородцев, С. Ф. Ольденбург, П. Б. Струве, Е. Н. Трубецкой, С. Н. Трубецкой, С. Л. Франк. Общие задачи участников сборника были сформулированы в *Предисловии* П. И. Новгородцева.

В качестве мировоззренческой базы господствовавшему в то время позитивизму противопоставлялся идеализм. Данные естественных наук, как источник познания, признавались лишь одной из сфер многообразных поисков и задач человеческого духа. Особое значение придавалось моральной проблематике, на место этического релятивизма выдвигалась задача поисков абсолютных принципов морали, в продолжение традиций Вл. Соловьева и Б. Н. Чичерина. Впервые идеализм как вечная основа человеческого духа выдвигался в связи с насущными вопросами общественной и культурной жизни. Новые формы жизни становились, таким образом, «уже не простым требованием целесообразности, а категорическим велением нравственности, которая ставит во главу угла безусловное значение личности». Наметив задачи, стоявшие перед новым философским движением, участники признавали, что «дальнейшее разъяснение их еще потребует сложной и усиленной работы». Эта работа продолжалась в трудах русских религиозных мыслителей и в деятельности новых общественных движений, разбуженных их призывом.

Было бы упрощением назвать эти движения русским вариантом христианского социализма, к тому времени уже занявшего свое место в европейском политическом спектре. В отличие от современных им западных христианских политиков, отстаивавших в первую очередь интересы духовного сословия, проповедовавших либеральный консерватизм или умеренный прогрессизм, представители российской «христианской общественности» не ставили во главу угла построения «Царства всеобщего благоденствия» путем политического и экономического переустройства общества. Их программа основывалась на «эсхатологическом анархизме», то есть на неприятии любой формы

государственной власти в преддверии «окончательного, апокалиптического периода всемирной истории»⁷. Они отрицали любое неравенство, основанное на собственности, социальном происхождении, внешнем авторитете и традиции. Ядром предлагаемой ими модели переустройства общества выступает «община верных», в которой осуществлен «идеал безвластия»⁸. Она должна быть устроена по подобию первохристианской общины, описанной в Деяниях Святых Апостолов, где сказано: «Все же верующие были вместе и имели все общее И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого» (2, 44—45).

От «Нового пути» к «Вопросам жизни»

В 1904 г. в редакции «Нового пути» объединились представители двух направлений религиозно-философской публицистики. С одной стороны — члены прежней редакции, искатели «нового религиозного сознания»: Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Д. В. Filosoфов, Г. И. Чулков, А. В. Карташев, с другой — сторонники «христианской общественности», ушедшие от марксизма: С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, С. А. Аскольдов, А. С. Глинка (Волжский). Это объединение и положило начало тому явлению, которое впоследствии будет названо «Русским религиозно-философским возрождением». С 1905 г. редакция в обновленном составе начинает выпускать журнал «Вопросы жизни», издателями которого становятся по очереди Д. Е. Жуковский и Н. О. Лосский⁹. Впоследствии автор, далекий от объективности в оценке политических противников, признает, что деятели русского религиозно-философского возрождения выступали не просто как авторы книг и статей, но «как настоящие идейные вожди целого общественного направления, давая целую энциклопедию по вопросам философии, религии, политики, публицистики, оценки всего освободительного движения и всей истории русской демократии»¹⁰.

На фоне нараставшей пропаганды левых партий, забастовок рабочих, крестьянских бунтов, еврейских погромов и террористических актов против государственных деятелей вызовом консервативных сил прозвучало опубликованное 16 января 1905 г., после расстрела манифестации 9 января, холодно-обличительное и казенное послание Синода «Ко всем чадам Православной Церкви», прошедшее цензуру К. Победоносцева. Даже правые газеты кричали от возмущения: «Где в это время был сонм духовных? Где были учителя наши в непогоду, приведшую к катастрофе 9 января?!»

На самом деле церковные иерархи вовсе не были холодными исполнителями воли стоявшего за их спиной государства. Сердца многих из них обливались кровью. Объясняя неучастие Церкви в бурных общественных событиях, первоприсутствующий член Синода, митрополит Петербургский Антоний (Вадковский) писал в «Новом времени» (под именем своего секретаря П. И. Тихомирова): «В сфере политических и социальных движений духовную власть никто не считает нужным посвящать. Поэтому пастырского слова к

рабочим не могло и быть. Во всяком общественном движении надо быть вполне осведомленным, чтобы вовремя явиться, где нужно и сказать, что следует». Эти горькие слова намекали на старческую немощь царского режима, в своих объятиях удушающего энергию Церкви. Иерархи не были посвящены в планы готовящейся расправы. В итоге после разразившейся трагедии на Церковь была возложена часть ответственности. Трудно было сильнее опорочить Церковь в глазах народа. И тогда часть петербургских священников («группа 32-х») обратилась к Синоду и епископату с призывом осудить кровопролитие и стать на сторону жертв трагедии. Впоследствии эта группа оформилась в «Братство ревнителей церковного обновления» (позже «Союз церковного обновления»), выступая с инициативой созыва Поместного собора, который по их мысли должен был демократизировать церковное управление, максимально удалив его от влияния государственных структур, выработать церковную социальную доктрину и модернизировать архаичный культ. По существу движение стремилось к церковным реформам в направлении протестантизма, заменяющим традиционную концепцию православной соборности личной ответственностью верующего перед Богом. Предпочтение отдавалось активизму, а не покорной пассивности, что должно было повлечь за собой изменение массового религиозного сознания русских.

После катастрофы «Кровавого воскресенья» из Петербургской Духовной Академии вышли и вскоре стали известны всей России священники Георгий Гапон, Константин Аггеев, архимандрит Михаил (Семенов), ректор — епископ Феофан (Быстров). В эти неистовые дни из Москвы в Петербург прибыли делегаты религиозно-философских кружков и движений, чтобы, встретившись со столичными деятелями религиозного возрождения, попытаться выработать общую программу действий. Среди них были молодые и энергичные В. Эрн и В. Свенцицкий, у которых 9 января «высекло искру решимости». Они призывали к борьбе за расторжение старорежимного союза Православной Церкви и самодержавной власти, за выведение церковных сил на поле общественной борьбы за новый строй.

А. В. Карташев оставил яркие воспоминания о собраниях, происходивших в редакции «Вопросов жизни», в которых принимали участие сотрудники и идейно близкие журналу люди¹¹. Особенно бурным и накаленным было январское собрание кружка «Вопросов жизни», где обсуждалось отношение Церкви к текущим революционным событиям. Присутствовали С. Н. Булгаков, С. А. Аскольдов (Алексеев), С. Л. Франк, А. В. Карташев. Московские гости Эрн и Свенцицкий предложили организовать большую демонстрацию-паныхиду по жертвам «Кровавого воскресенья». У Эрна сорвалась «рискованная фраза: "...в пику Синоду". Тут обычно молчаливый <...> Франк возвысил голос и запротестовал: "Я решительно возражаю против такой постановки вопроса. Я понимаю демонстрацию как акт внешний, боевой и до известной степени грубый; но молиться Богу "в пику кому-то", примешивать сюда мои интимные отношения к Богу — этого я ни понять, ни принять не могу"»¹².

Эта реплика охладила разгоряченные головы православных революционеров. Предложение не было принято. Однако у москвичей созрел новый замысел: основать революционную организацию, члены которой, оставаясь преданными Православной Церкви, включаются в политическую борьбу с самодержавием на основе евангельского понимания достоинства человеческой личности. Многие политические публикации журнала имели антиправительственный характер: осуждали русско-японскую войну, протестовали против подавления забастовочного движения и жестоких разгонов рабочих демонстраций. В программной статье «“Вопросы жизни”¹³ и вопросы жизни» С. Булгаков наметил путь общественного служения в условиях разразившегося в России политического кризиса. Он предлагал всем, относящим себя к сторонникам общественного прогресса, следовать «идеал-реализму», т. е. уделять равное внимание как материальной и социальной, так и духовной сферам человеческого бытия, ибо «не хлебом единым живет человек», но «он не может жить без хлеба»¹⁴. Идеал-реализм предполагал реформы в четырех направлениях: достижение политической свободы личности, экономическое возрождение на основе социализации промышленности, культурное возрождение и церковное обновление. Группа общественных деятелей и публицистов, объединившихся вокруг журнала «Вопросы жизни», стала таким образом единственным русским общественно-политическим движением, провозгласившим неразрывность социальных, гражданских и церковных проблем, на фоне полного равнодушия или враждебности к религии всей «прогрессивной» публицистики. С. Булгаков напомнил заветы русской этико-философской мысли: «После Толстого, Достоевского, Соловьева непозволительно уже не понимать значения религии как силы социального прогресса»¹⁵.

Подводя итоги первого года существования журнала, его издатели заявляли, что «Вопросы жизни», «присоединяясь к общему освободительному и социальному движению», желают сохранить «независимое, непартийное положение», стремясь остаться «верными анархическому идеалу в его религиозном понимании»¹⁶.

В вопросах религиозной свободы и реформы Церкви журнал сражался «на два фронта, — направо с казенщиной религиозной жизни, с церковной полицией, налево — с казенщиной религиозной мысли...»¹⁷, с повальным религиозным индифферентизмом русского общества.

Тем временем внутри редакции назревал новый идейный конфликт. Столкнулись две тенденции: революционно-анархистская — Г. Чулкова и церковно-охранительная — С. Булгакова. В статье «Поэзия Владимира Соловьева» Г. Чулков с резко критических позиций подошел к теме судьбы исторического христианства¹⁸. Против подобного подхода среди прочих решительно выступил С. Булгаков, который «мистическому анархизму» Чулкова противопоставлял православную церковность¹⁹. Впоследствии конфликт усилился из-за резкого несходства литературных вкусов: Г. Чулкову с трудом удалось пре-